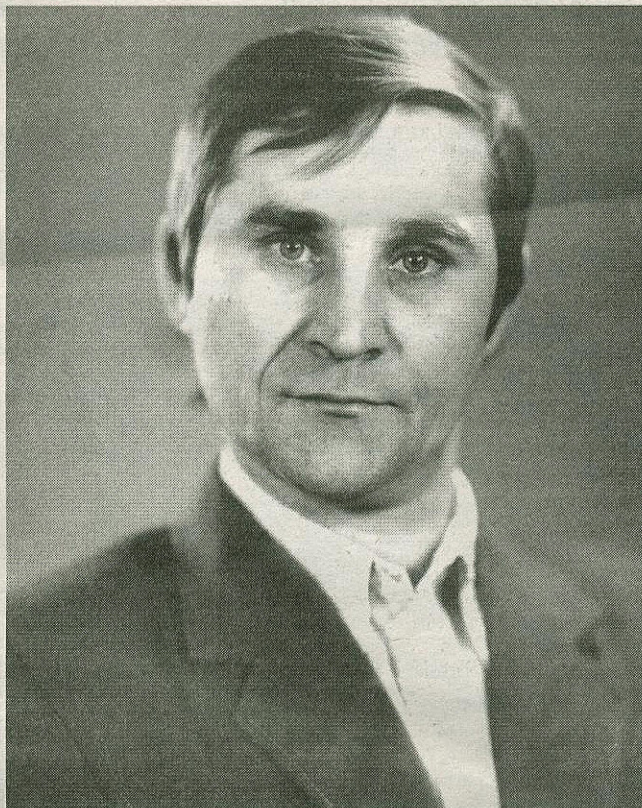

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

Произведения авторов городской литературной группы «Прометей» (руководитель Н.П. Глушкова)

«Не нуждаюсь в альбомной памяти»

Я, Абушаев Айса Ибрагимович, родился на старый Новый год в 1947 году. Учился в школе №29 и ГИРМ № 5. В 18 лет устроился подземным горнорабочим в шахту «Полысаевская-2» (ныне шу «Октябрьский»), где и проработал почти 40 лет. Заочно учился в КГТ, КИПТи КузПИ. Прошёл все должности и закончил карьеру начальником участка. Женат, есть дочь и два внука. Женится будучи в отпуске (у бабушки в гостях) за 5 тысяч км от дома, в 3 дня, и - слава Всевышнему - живем, не жалея об этом. Жена и дочь работают также на «Октябрьском». Дочь, как и я, тоже с тремя дипломами (заочно, третий - университетский), работает начальником участка «Техкомплекс». Я пенсионер, но не сидится, не ложится - работаю. Второй год являюсь членом литературной группы «Прометей». Один из авторов книги «Вечного неба печаль». Хобби - множество. Писать и печататься начал с 15 лет в газете шахты «Горняк». С удовольствием пишу и прозу, и стихи. Критический склад ума, как сказал зам. командира корабля капитан 2 ранга М.И. Калинин. Четыре года служил на Тихом океане на корабле, где был редактором корабельной газеты.

Уха

Наконец-то выходные и долгожданная рыбалка!

И вот они на речке. Закинули удочки. Наступили прекраснейшие моменты: ожидание поклёвки, клёв, подсечка. И вот она, рыба! Пусть пока попалась рыбка-невеличка. А вот и рыба! Крупный окунь пошёл. Да какой! Не менее 500 г. Каждый! Нет, нет, больше! Все окуни, как один - с одной стаи. На спиннинг попалась и хищница, местная барракуда - щука! Незабываемые минуты!

Но наступил полдень. Солнце стало жарить так, что казалось, в животе выпитый чай вторично закипит и из ушей пойдёт пар. Клёв прекратился.

Садок с пойманной рыбой Ванька притопил и закрепил кольщиком. А Витёк и говорит: «Ванёк, ты свари уху, а мы с Колькой ниже спустимся по течению, за поворот, и поведем бредешком». И ушли.

Ванька посидел, потом набрал сушняк и развёл костёр. Наполнил котелок водой и подвесил на таганок. Опять посидел. Хорошо! Но жарко. Окунулся. Хорошо!

Спустился к воде за рыбой. А садка-то и нет. Смыло, унесло вниз по течению. Весь улов унесло. А уху-то

варить надо. А есть охота! Закинул сразу все удочки, поймал пескарей. Всего-то трёх. Маловато для ухи.

Ваньке было уже за тридцать, он был холост, жил в общежитии, питался в столовой и варить не умел. Ни супа, ни борща. Уху тоже. Умел варить только яйца вкрутую, но варёные яйца Ванька не любил. А их здесь и не было.

Сейчас перед ним стояла кардинальная задача: из трёх пескарей сварить уху на трех голодных мужиков. Задача архисложная. И её нужно разрешить как можно быстрее.

Недолго думая, Ванька настрогал картошки, бросил в котелок с бурлящей водой. Выждал время, как рыбак поклёвку и бросил заодно лук, крупу и пескарей. Немного подумал, что бы ещё добавить. Накрошил сала, колбасы, и всё это с солью, лавровым листом, перцем и какой-то зеленью отправил в варево. Утомленно закрыл крышку, прилёг, закрыл глаза и задремал. В животе урчало, причем усиленно.

Ему снилась Валька, она улыбалась и кормила его пельменями, а он ел, ел и никак не мог насытиться...

Сквозь дрему Ванька услышал голоса. Открыл глаза и увидел при-

ближающихся товарищей. Мгновенно оказавшись на ногах, стал усердно мешать в котелке.

«Ну как? Готово?» - спросил Витёк и кровожадно посмотрел на котелок и почему-то улыбнулся. Улыбнулся как-то загадочно и Колька. «Готово, готово!» - засуетился Ванька. Достали посуду, нарезали хлеб и разлили (в первую очередь, конечно, водку - ну как без этого традиционного, так необходимого рыбацкого атрибута, обойтись?). Приняли по сто за рыбалку и здоровье.

Витёк помешал в котелке, поискал рыбу, но безрезультатно. Ванька тревожно наблюдал. «А где рыба-то?» - озадачился Колька и посмотрел на Ваньку, потом на Витьку. «Р-р-растворилась... нет р-р-разварилась», - пояснил повар Ванька. «Ну ладно, давайте есть» - решил коллектив, и дружно забрякали ложками. В миг шестилитровый мини-бак был опустошён. «Ай да Ванёк! Вот это уха! Скажи рецепт - восторгались друзья - только рыбы что-то не видать».

Ванька когда-то где-то вычитал про двойную уху. «Я сготовил тройную уху» - нашёлся он. «Тройную уху? А-а, тройную он приготовил!» - сказали дуэтом Колёк и Витёк. А Витёк вдруг из-за спины подал Ваньке уплывшую потерю-садок с рыбой и...

Такого ржания в этих окрестностях не было со времен бывшего когда-то неподалёку конезавода с двумя сотнями лошадей.

И он ушёл, ушёл туда, где нет дорог, нет направлений, нет той точки, определяющей место... Он, променявший Землю на Нечто, как Агасфер, вечный скиталец по миру, укравший себя сам, укравший у истинного мира сего.

Душа рвалась на части. И каждая часть болела, взывала, кричала. Он ещё раз посмотрел вниз.

Что-то невидимое, эфирное бесшумно поднялось и ушло туда, где синь и темень, туда, где вечность и безмолвие, где нет начала и конца, туда, где нет верха и низа, нет времени и ожидания, туда, где пространство безмерно, где заполненная небесными светилами зияла Бесконечность, туда, где покаяние принял Всевышний.

В деревне

По забору ходит кот,
Пес Барбоска мается -
От полуденной жары,
Что-то и не лается.

Убежав от бабы Дуси,
Потихоньку и тайком,
Гуси серые к воде
Пробираются гуськом.

У забора трётся Гришка,
Наш козёл рогатый,
За забором урожай
Кочанов богатый.

Развалился в грязной луже
Поросёнок Гошка...
Я у бабушки в деревне
И гляжу в окошко.

Энергетичный энергетик

Он транзистор починил,
плеер и будильник,
Телевизор, пылесос,
уличный светильник.
И машинку, и насос,
куколку Алёнку,
Ножку заднюю лечил
нашему телёнку...
С электричеством на ты,
практик-теоретик,
энергичный деда мой,
классный энергетик!

Осень

Карнавал листопада - золото.
Осень задумчиво сонная,
Дождями и землю, и душу
Омыла с небес осененная.

Вальсируют листья весело,
Кружатся днем вдохновенные,
И, опьяненные воздухом,
Сверяют чувства влюблённые.

И вертолетики кружатся,
Запущены кленом и ветром,
А клёну, берёзе и тополи -
Листья уже ретро.

Туманная осень рыбой
Плавню листву отметала,
Каждый листочек осенний
Тщательно пролистала.

Летняя осень

За холодное лето без солнышка
Подарила природа осени,
Подарила неделю летнюю,
Ночи звездные, дней просини.
И расшторилось небо грустное,
И осенняя лень востепенулась,
И цветами укрыла землю,
Будто лето опять вернулось.
Ну, а верба теплом обманута,
Распушилась, невестой стала,
И листвою подарки брошены,
Как кружки золотого металла.

Зима

Мороз резвится -
Ему привольно
И если злится,
Кусает больно.
На остановке
Все, как на блюде.
Мороз бесовский,
Замерзли люди.
Запрятав в шубы
Тела и души.
Застыли губы
От зимней стужи.
Глаза-озёра,

Как синий холод.
Уколом взора
Разбит, расколот.
Стоишь - не видишь,
Что будет дальше
И ненавидишь
Красивой фальши.
Любовь застыла.
Ты не растаешь,
Ты не простила.
Сном улетаешь...

Апрельское солнце

Колесом катилось солнце
По весёлому апрелю,
Растопив снегов оковы,
И подкрасив зелень елей,

Повытягивав сосульки,
И оставив звонко плакать,
Частоколом вниз развесив,
На земле наделав слякоть,

Распустив снега ручьями,
И направив к маме-речке -
Успокоилась лишь к ночи
И затухло бурой свечкой.

Начало

Двадцатый век.
Апрельский день.
В волненьи голос Левитана.
«Гагарин в космосе! Ура!» -
Все повторяют неустанно.

А он «Поехали!» сказал.
Сил лошадиных миллионы
«Восток» подняли в синеву,
Орбитой в выси устремленный.

Ему всего лишь
двадцать семь.
Вторично ставший пионером,
Страны великой человек
Открыл космическую эру.

В лапе

Вгрызаясь в угольный массив,
Комбайном перекрыт наряд.
Шагают секции крепи
Поочередно, ровно, в ряд.

Сверх плана срезанные стружки
Углем уходят на-гора,
Доставку быстро обеспечат,
Слегка устав, конвейера.

Атланты-стойки все в работе,
В нагрузке секции крепи.
И держат кровлю

сверхнадёжно
Так, что эмульсия кипит.

Горняк сработал,
он доволен.
Закончен цикл, хвала ему!
И, улыбаясь белозубо,
Уходит вверх, покинув тьму.

* * *

Не нуждаюсь
в альбомной памяти,
Вся во мне ты,
в годах не затеряна.
Чем седое моё одиночество
И любовь, и тоска измерены?

И ни в юности, и ни в старости,
Ни в текущем потоке времени,
Никогда не найти ответа мне -
И застыл вопрос
тяжким бременем.

Жизнь вторая
любовью поставлена,
Сброшу первую, как ненужную.
Виноват я и грешен
в одном лишь,
Что люблю я тебя замужнюю.

Если бы род человеческий пошёл не от Каина, мир был бы добрей, было бы меньше зла...

Он посмотрел вниз и увидел вышедшую из дома мать. Свою мать. Маму! Он закричал бы, но он не мог кричать. Не мог кричать, не мог плакать. Как она постарела! Но всё такая же прямая, уверенная походка. Слегка прихрамывающая, мать прошла через двор в огород. «Или гляди полоть или что-нибудь сорвать к столу», - догадался он.

Скрипнула калитка - это пришёл отец. И отец постарел, поседел. Этот упрямец, добившийся всего сам и не принимающий ни от кого помощи. Он чувствовал, ощущал их, каждую капельку, капельку души. Капелька, капелька... и душа.

Заблудший

От себя не уйдёшь. Некуда уходить. Велика Вселенная, необъятна, а некуда...

А тогда, в прошлом... Сколько горя, бессонных тревожных ночей принёс он своим самым близким, родным. Они боролись за него. За душу и тело его. Но не слышал он и уходил от них, пропадал надолго, появлялся и опять исчезал. Уходил в Никуда, в тот мир грёз без забот и печалей, без обязанностей и долга, и где было полное безразличие, равнодушие, отрешённость от истинного мира. А родным своим оставлял страдание, боль, тоску, отчаяние...

Он стоял на самом краю бездны, ведущей в Никуда. Ему нужно было только ЭТО, ставшее необходимым, и он уже не мог без ЭТОГО!